

УДК 39=512.141

DOI 10.37386/2413-4481-2022-3-92-96

Розалия Рафкатовна Баязитова

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, г. Уфа, Россия, rosali8@mail.ru

БЕРЁЗА В ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР

Аннотация. В статье рассматривается почитание берёзы у башкир, которое восходит к древним воззрениям, культу предков, представлениям башкир о душе, потустороннем мире. В традиционной культуре башкир наблюдалось амбивалентное отношение к берёзе. Она выполняла утилитарные функции, применялась в народных промыслах и ремеслах. В то же время башкиры остерегались использовать берёзовый лес в строительстве жилых домов и хозяйственных построек, что объясняется сакральностью и физическими свойствами древесины берёзы.

Ключевые слова: материальная, духовная культура башкир, культ предков, почитание старших, берёза.

Rozaliia R. Baiazitova

Order of the Badge of Honour Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia, rosali8@mail.ru

BIRCH IN THE SPIRITUAL AND MATERIAL CULTURE OF THE BASHKIRS

Abstract. The article discusses the veneration of birch among the Bashkirs, which goes back to ancient beliefs, the cult of ancestors, the ideas of the Bashkirs about the soul, the other world. In the traditional culture of the Bashkirs, an ambivalent attitude towards birch was observed. It performed utilitarian functions, was used in folk crafts. At the same time, the Bashkirs were careful not to use birch forest in the construction of residential buildings, which is explained by the sacredness and physical properties of birch wood.

Keywords: material, spiritual culture of the Bashkirs, the cult of ancestors, veneration of elders, birch.

Почитание деревьев было характерно для многих народов мира. В зависимости от территории расселения и древних верований у разных народов сложились свои представления об определенных видах деревьев. Широко распространенный культ был обусловлен созидательной, защитной, магической и другими функциями деревьев в традиционном обществе. На современном этапе актуальной представляется изучение сохранившихся представлений башкир о берёзе для воссоздания целостной картины взаимоотношений в сфере «человек – природа».

Несмотря на то, что в традиционной культуре башкир наблюдалось особенное отношение к деревьям, данная тема еще не была предметом специального исследования. Отдельные ее аспекты фрагментарно рассматривались в трудах З.Г. Аминова, Н.В. Бикбулатова, М.Н. Сулеймановой, Ф.Г. Хисамитдиновой в рамках изучения мифологии, древних верований, семейно-бытовой обрядности. В данной статье на основе опубликованных и неопубликованных источников, научной литературы рассмотрим некоторые особенности почитания берёзы у башкир.

Появление культа деревьев и применение их в ритуале уходят в глубокую древность. Как отмечают исследователи, в мифологической традиции человек, сотворенный в изначальные времена, был

«сделан» из природных материалов. Земля, глина, дерево или камыш, соединенные и одушевленные божеством, дали начало его телесно-психической организации [1, с. 15]. У башкир сохранились образцы устного народного творчества, повествующие о чудесном появлении человека из дупла дерева. Согласно исследованиям З.Г. Аминова, в эпосе «Урал-батыр» есть строки о растущих на вершине Мировой горы деревьях, на которых находятся «души». В данном случае речь идет о получении ребенком души «кут/кот» от дерева. В башкирской сказке «Килтэй Мэргэн» тело умершего батыра по имени Килтэй Марган сестра помещает в дупло дерева, после этого батыр оживает, так как получает через дерево душу. В другой башкирской сказке «Икмакбай» старуха вылепила из теста фигуру мальчика и поместила его в пустую деревянную посуду/«көбө», где мальчик получает душу и оживает. Тот же мотив возрождения умершего путем получения души через дерево можно увидеть и в сказке «Девушка-сирота и мулла» [2, с. 103–104]. В приведенных материалах повествуется о получении души посредством дерева, которое выступает связующим звеном между мирами. Вертикальная организация дерева, близость к высшим силам, возможно, определили появление почитания деревьев.

В основе культа культа деревьев у башкир лежат древние воззрения, восходящие в эпоху родового строя. Почитаемые деревья были у многих тюркских народов. «Священные деревья были характерны для всего тюркоязычного населения Западной Сибири и исчезают в результате распространения среди них ислама», – пишет С.Ф. Татауров [3, с. 174]. По данным полевых исследований, у башкир до сегодняшних дней сохранилась традиция бережного отношения к родовым деревьям: их нельзя рубить, сажать возле дома и т. п. Например, у усерган нельзя ломать ветки, сажать возле дома рябину, у тамьян – сосну, лиственницу, так как это их родовые деревья [4, с. 157].

Р.М. Юсупов писал, что у башкир в основе почитания родовых деревьев и птиц лежит культ предков. Он же отмечал, что душа человека после смерти перемещается в высокое дерево, через которое в образе птицы достигает верхнего мира. Не исключено, что родовая птица воспринималась как живое воплощение духа предка, а родовое дерево – как его временное вместилище. Убийство священной птицы и порубка родовых деревьев, особенно на кладбищах, могли навлечь несчастье на весь род или племя, т. к. это было равносильно убийству духа предка [5, с. 172–173]. Подобное представление было запечатлено в более ранних текстах. Например:

«Uzun ayaç başında
uryuvul atlı guş olturur;
anı atma är kerek,
eki uçuna > yüreginä taş kerek. Ol, tin.

На верхушке высокого дерева сидит птица ургул, чтобы ее застрелить, нужен мужественный человек, он должен быть стойким во всех отношениях (с обоих концов) > его сердцу необходимо каменное терпение. Это душа» [6, с. 15].

У многих народов сложилось особенное отношение к берёзе. Вера башкир в магическую силу этого дерева уходит в доисламское время, обнаруживает параллели с тюркскими народами. Например, образ берёзы-матери, фигурирующий в родильной, свадебной и календарной обрядности, а также в шаманской практике алтайцев, был важным элементом их общественного сознания. С этим деревом связывали жизнь первопредков как отдельных сеоков, так и всего народа. Типична в этом отношении легенда, записанная в 1981 г. в селе Тюнгур Усть-Канского района Горно-Алтайской АО: «Рассказывают, что было время, эра, когда были войны. Тогда многие женщины, которые спасались, оставляли своих детей под деревьями. Их много было. Но только тот ребенок остался жив, который лежал под берёзой. У берёзы сок есть. Женщина, видимо, знала, сделала надрез.

Берёза вскормила ребенка своим соком. Теперь берёза считается святой» [1, с. 25].

Рассмотрим примеры по другим народам, в которых раскрываются различные функции и значение берёзы. У якутов ветка этого дерева применялась как атрибут шамана: «А.А. Попов пишет, что на празднике ысыах шаман не надевал шаманской одежды, так как выступал только в качестве человека, знающего заклинания и хорошо умеющего говорить. Тот же автор пишет, что шаманы не всегда брали и бубен. Иногда камлали с веткой берёзы. О том же сообщает А. Слепцов, говоря о выполнении шаманом обрядов, выражающих почитание матери-земли, почитание берёз» [цит. по: 7, с. 38]. В данном обряде прослеживается связь берёзы с иным миром. «Или, к примеру, идея мирового древа используется на возрожденных хакасских праздниках (Тун пайрам, тигір тайнии), где присутствует священная берёза, символизирующая древо жизни» [8, с. 12]. У чувашей Башкортостана: «Во время свадьбы во дворе около дома невесты устраивалось особое место – “шилёк” из трех составленных п-образно скамеек. По четырем углам шилека прикреплялись молодые берёзки, на них развешивались вышитые рубашки. Между скамейками ставились столы – это место для родителей невесты, молодых и других почетных участников свадебного обряда. В некоторых деревнях вместо рубахи на берёзки шилека вешали сурбан. По представлению чувашей, души умерших предков присутствуют на свадьбе, сидя на ветвях берёзок шилека, а старинная вышитая рубаха или сурбан олицетворяли присутствие на свадьбе умершей пра-родительницы» [9, с. 229]. Приведенные примеры свидетельствуют о причастности берёзы к иному миру, о ее связи с душами предков.

Традиционно башкирские кладбища располагались в берёзовых рощах, на месте погребения принято сажать берёзу (Полевые материалы автора. 2005 г.). Башкиры считали, что души умерших садятся на дерево, с листьев пьют росу, также дерево считалось дорогой, по которой можно добраться до потустороннего мира. Ассоциативная связь между берёзой и миром умерших, возможно, привела к появлению следующих запретов и примет у башкир: нельзя сажать возле дома берёзу – к горю, нельзя часто обнимать берёзу – к печали, берёза – дерево печали («кайын – кайғылы ағас»), берёза – символ печали («кайын – кайғы билдәһе»), человек, посадивший берёзу, переживает горе («кайын ултыркан кеше кайғылы була») (Полевые материалы автора. 2005 г.).

Башкиры побаивались и почитали отдельно стоящее дерево. Фольклористами зафиксирован следующий запрет: «Яңғыз кайын төбө иң куркыныс

урын. Ултырырга, ял итергә ярамай» (Место под одинокой берёзой самое опасное. Там нельзя сидеть, останавливаться для отдыха) [10, с. 128–129]. Чтобы умиловить дух дерева, на его ветках развешивали кисточки (ленточки) – «сук бэйләү».

Древние представления башкир закрепились мусульманской религией, например: «Кайын – изге ағас: тузына көрси язылған, бысратырга ярамай» (Берёза – священное дерево: на бересте написан «Аят аль-Курси», поэтому его нельзя осквернять) [11, с. 69].

Боязнь навлечь на себя и семью беду, горе привела к появлению запрета на использование этого дерева в хозяйственных целях: «Өйгә кайын ағасы кушманылар, кайғылы була, тип» (При строительстве дома не использовали берёзу, считая, что в доме будет много горя) [12, с. 3]. Берёзу также не применяли для изготовления посоха [12, с. 4]. Запрещали делать колыбель из берёзы, боясь, что ребенок всю жизнь будет жить в горести (Полевые материалы автора. 2004 г.). Боясь навлечь несчастье, из берёзы запрещали делать женские бытовые предметы: прялку, скалку и т. п. [11, с. 69].

Аналогичные представления зафиксированы у родственных тюркских народов. Например: «Татары почти никогда не использовали в домостроении берёзу, считая, что она приносит несчастье. Впрочем, причина могла быть другой – берёза трудна в обработке, быстро гниет» [13, с. 226]. Приведенные материалы показывают, что почитание берёзы было связано с миром умерших, следовательно, это дерево ассоциируется с печалью, восходит к культу предков.

Также важно отметить, что почитание отдельных деревьев связано с особенным отношением к родоплеменным атрибутам. Так, в сказании «Кысса-и Чингиз-хан» сборника «Дафтар-и Чингиз-наме» повествуется о распределении Чингиз-ханом родоплеменных атрибутов – дерева, птицы, тамги, боевого клича. Согласно тексту сказания, берёза является деревом племени минг: «Эй, тысячеколчаный Урдач-бей! Прозванный так за то, что, будучи безмерно богатым, выводил с собою тысячу воинов, пусть твоим деревом будет берёза, птицей – ястреб, боевым кличем – “Алач!”, тамгой – пара птичьих ребер» [14, с. 15].

Примечательно также то, что приставка «кайн/кэйн» встречается в терминах родства башкир: «Те же названия, что и в номенклатуре родства, сохранились и в свойстве с приставкой кайын в названиях тестя, свекра, тещи, свекрови, старших и младших братьев и сестер мужа и жены» [15, с. 224]. «Для родни жены всюду использовано слово-приставка кайн-/кэйн-, мужа – бей-, кайн-/кэйн-, ян-; создается впечатление, что термины с компонентом

кайн-/кэйн- для родни мужа появились позднее, в результате их перемещения из номенклатуры для родни жены в силу закона симметрии», – отмечал Н.В. Бикбулатов [16, с. 59]. Некоторое созвучие приставки «кайн/кэйн», используемой для обозначения старших/младших родственников супругов, со словом «кайын» требует специального исследования с привлечением языкового и этнографического материала по другим родственным народам.

Необходимо отметить, что в традиционной культуре башкир наблюдалось двойственное отношение к берёзе. Наряду с почитанием берёзы, запретом на применение ее в постройке дома и изготовлении предметов личного характера (колыбели, посоха и т. п.), берёза использовалась для создания сакральных элементов жилища. Например, ее применяли при изготовке верхнего ободка юрты, сакрального элемента жилища. Если для других деталей юрты использовали такие породы, как ива, тальник, то «...половинки обода делали из искривленных стволов берёзы, тщательно обтесывая, придавая им форму полукруга...» [17, с. 21]. Материалы по казахам также показывают использование берёзы при изготовлении неотчуждаемого, сакрального элемента юрты: «Поэтому шанырак делается не из тала (ивы), как все остальные части каркаса, а из берёзы – самого твердого и прочного дерева, произрастающего в степях» [18, с. 33]. Как известно, помимо качественных характеристик, берёза почиталась многими тюркскими народами, символизировала дерево жизни, умерших предков, встречалась в обрядах с давних времен. Например, исследуя древнейшую культуру Хакасии, дошедшие до нас яркие памятники языческого культа, каменные изваяния, святилища, менгиры и наскальные рисунки, Л.Р. Кызласов предположил, что во время обрядовой церемонии, возможно, ставилось живое деревце, быть может, берёза, символизировавшее древо жизни [8, с. 10]. Бережное отношение к верхнему ободку, восходящее к культу предков, символизирует преемственность поколений, продолжение рода.

Вера в магическую силу деревьев применялась в народной медицине. В мае, например, заготавливали берёзовые веники, которые считались самыми целебными.

Также берёза упоминается при заговаривании болезни:

«Имләүзә кулланылышы
Шешек имләү һамағы:
Кара кайын кабығына кайт!
Карт кайындың суғыртмағына кайт!
Көндөң байышына кайт!
Һыузың ағышына кайт!
Кайт, кайт, кайт!» [11, с. 70].

В обращении к духу болезни упомянута берёза, в частности «кара кайын кабығы» (кора черной берёзы), «карт кайындың суғыртмағы» (шероховатая кора старой берёзы).

Практиковалось также приготовление жевательной резинки из берёзовой коры. Приведем рецепт ее получения, записанный в ходе полевых исследований: «Тонко измельченную берёзовую кору помещают в чугунный казан и плотно закрывают крышкой. Казан ставят на огонь. Время от времени аккуратно перемешивают бересту до получения расплавленной массы, в которую затем добавляют сливочное масло и варят до 15-20 минут. Полученную жидкую смолистую массу переливают в посуду с холодной водой и придают жевательной резинке желаемую форму» (Полевые материалы автора. 2002 г.).

Кроме магических, сакральных функций, берёза использовалась и в утилитарных целях, например для отопления жилищ. Пожилые отмечают, что берёзовые дрова хороши для печного отопления, долго и равномерно горят, длительное время поддерживая тепло в жилом помещении. В то же время, согласно устоявшимся представлениям башкир, при использовании природных материалов нужно было знать меру (сама белеу – знать меру). При заготовке дров запрещали рубить молодые деревья, при разведении костров – трогать молодые ветки, зеленые листья.

Башкиры также занимались выработкой дегтя из берёзы. Как отмечает М.Г. Муллагулов, дегтекурение существовало в крае давно, доказательством этому служит сохранившийся вплоть до последнего времени древний «ямный» способ добычи дегтя. Для сидки дегтя лучшим материалом считалась сырая береста (йәш туз), которую заготавливали весной во время активного сокодвижения в деревьях (кайын ишкәкләгәндә). Деготь представляет собой маслянистую жидкость черно-бурого цвета, применяется для смазывания кожаных изделий, также для лечения различных болезней [19, с. 157].

У башкир-полукочевников особо ценилась деревянная посуда, так как она обладала высокой проч-

ностью, изготовлялась из распространенных видов деревьев. Исследователями определена территория изготовления резной утвари: «Основной областью производства художественной посуды являлись горно-лесные районы Урала. Здесь на стыке массивов берёзовых и липовых лесов – главного сырья для выделки посуды – было создано большинство сохранившихся в собраниях музеев тонкостенных ковшей и нарядных тэпэнов, удивляющих наших современников сложностью рисунка и тщательностью выделки. Небольшие очаги художественной обработки дерева находились и за пределами этой территории – на Южно-Уральском плоскогорье, на склонах Урал-тау, в богатом берёзой челябинском и курганском Зауралье» [20, с. 197]. С.И. Руденко, подробно описав наиболее распространенные у башкир деревянные сосуды, писал, что деревянные чаши (тустак, тәгәс) нередко делались из карельской берёзы и ценились довольно дорого, употреблялись преимущественно для питья кумыса или кислушки. Также он отмечал, что чашки, ковши чаще всего делались из наростов, преимущественно из берёзовых (кайын ороһо), или из берёзового корня [15, с. 130]. Для изготовления посуды также применялась береста: «Берестяные коробка и туеса находили применение наряду с деревянными кадками и чашами во всех уголках лесной и лесостепной Башкирии, но особенно были распространены в Зауралье, где не было липы для выделки кадок» [20, с. 201].

Таким образом, в традиционной культуре башкир наблюдалось амбивалентное отношение к берёзе. С одной стороны, она рассматривалась как объект почитания, культа, была представлена в ритуале. Проведенное исследование показывает, что сакрализация берёзы восходит к древним воззрениям, затем закрепились мусульманской религией. В народной памяти сохранилось множество запретов и предписаний, касающихся этого дерева, что свидетельствует о важной роли берёзы в жизни народа. С другой стороны, берёза широко применялась в хозяйстве башкир, выполняла утилитарные функции. Сложившееся противоположное отношение к берёзе соблюдалось в равной мере, отразилось в духовной и материальной культуре башкир.

Список источников

1. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
2. Аминев З. Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 160 с.
3. Татауров С. Ф. Аялыньские татары, или О чем говорят деревья // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2017. № 3 (15). С. 168–175.
4. Баязитова Р. Р. Традиционный семейный этикет башкир: монография. Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. 176 с.
5. Юсупов Р. М. Башкирское общество: внутренняя организация и структура // Башкиры: Этническая история традиционная культура. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. С. 156–186.

6. Гаркавец А. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков. М.: Рус. деревня, 2006. 89 с.
7. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. Т. XXVII. С. 5–100.
8. Сагояков Н. Н. Хакасские мифы. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2010. 134 с.
9. Данилова В. В. О свадебной обрядности чувашей Башкортостана // Башкорт фольклоры: Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. V сығарылыш. Өфө: Ғилем, 2004. С. 225–230.
10. НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 945. С. 128–129.
11. Һазыева Р. Н. Башкорт теленен этнолингвистика һүзлеге [Этнолингвистический словарь башкирского языка]. Өфө: Башкортостан «Китап» нәшриәте, 2002. 176 бит.
12. НА ИИЯЛ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. ДМН. Ед. хр. 454. С. 3.
13. Халиков Н. А. Сельские поселения и жилища // Татары. М.: Наука, 2001. С. 214–249.
14. История башкирских родов. Минг / отв. ред. С. И. Хамидуллин. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН; ГУП РБ Башкирское издательство «Китап» им. З. Бишевой, 2016. Т. 17. Ч. 1. 488 с.
15. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
16. Бикбулатов Н. В. Башкирская система родства. М.: Наука, 1981. 124 с.
17. Юсупов Р. М. Процесс изготовления юрты и практические рекомендации // Башкирская юрта: методическое пособие / Р. М. Юсупов, Р. А. Султангареева, С. Н. Шитова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 17–28.
18. Шаймарданов К. Казахская юрта. Этнографический конструктор. Астана: Ак-Бота-Астана, 2008. 56 с.
19. Муллагулов М. Г. Лесные промыслы башкир. XIX – начало XX в. / УНЦ РАН. Уфа, 1994. 180 с.
20. Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа: БФ АН СССР, 1979. 244 с.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 14.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 14.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.